

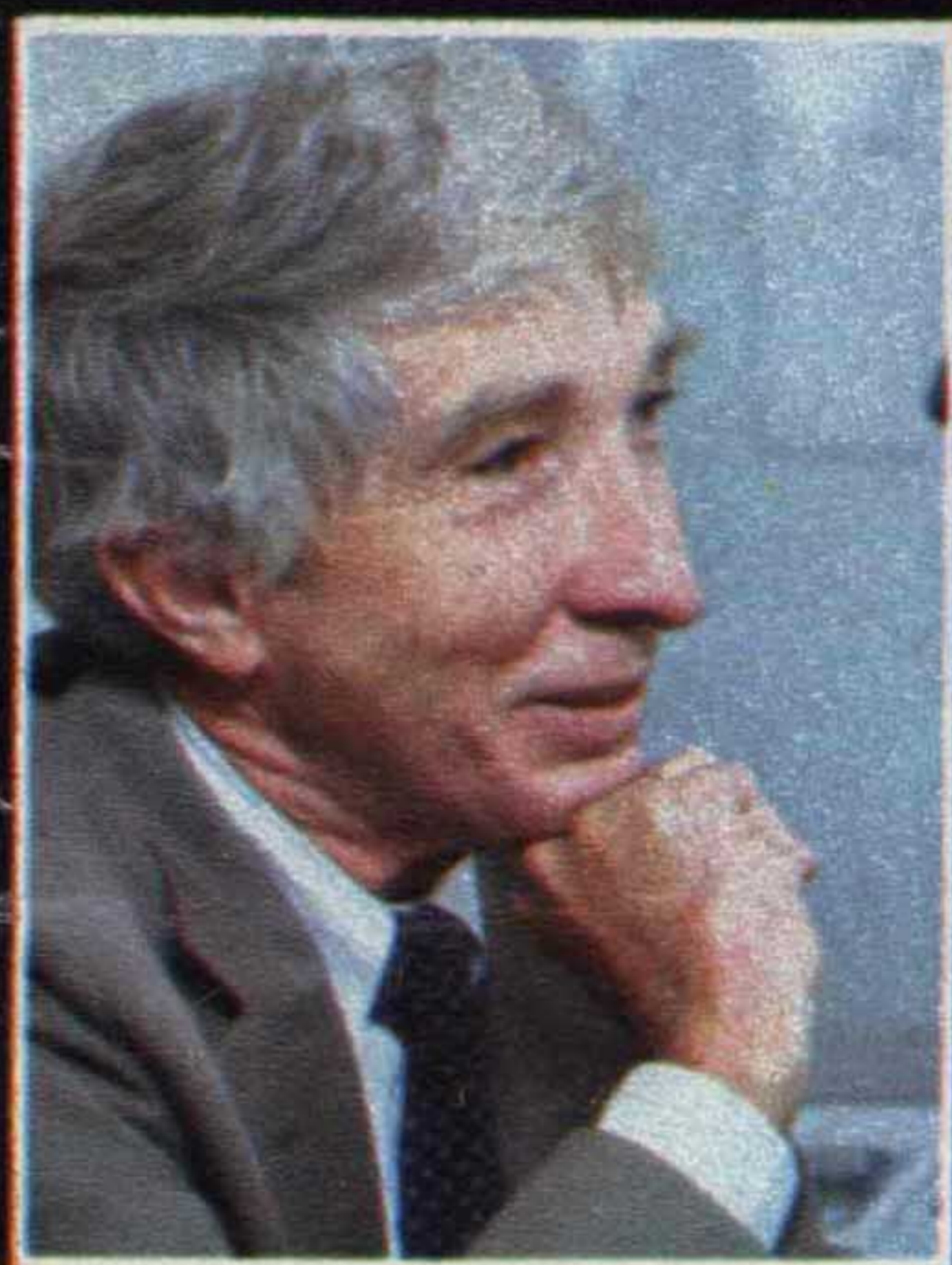
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 29 ИЮЛЬ 1988

**ДВОЕ
ИЗ «МИРА ИСКУССТВА»**

**ДЖОН АПДАЙК:
ЧТО ОБЪЕДИНЯЕТ
ВСЕХ ПИСАТЕЛЕЙ**

**ДНЕВНИКИ
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**

**ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ
КАЗАНИ**

**РОДИТЕЛЬСКИЙ
ДОМ-
НАЧАЛО НАЧАЛ**

Идея создания мемориала, посвященного жертвам культа личности, возникла не сейчас, а после отважной, исторически переломной речи Хрущева на Двадцатом съезде партии. Эта идея звучала во многих речах на конференциях, собраниях, и просто так — в частных квартирах, в трамвайных вагонах, в очередях... Эта идея прозвучала и на Двадцать втором съезде, однако потом была замотана, заболтана, задвинута, — а грубо говоря, похерена. Среди тех, кто этой идеи испугался, был и человек, ее не прямо, но косвенно выдвинувший — сам Хрущев. Почему? Да потому, что, по выражению Черчилля, он был человеком, пытавшимся перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Одна нога Хрущева, как он ее ни пытался выдрать, прочно завязла в сталинском времени. Ему не хватило смелости признать на Двадцатом съезде, что во многих ошибках и преступлениях был виновен и он сам. Конечно, если бы он это признал, он бы мог быть снят. Но зато, очистив свою совесть, он бы мог стать совсем другим лидером совсем других перемен. А, не сказав исповеди, он продолжал оставаться человеком половинчатым, то есть нравственно легко уязвимым. Хрущев был снят правильно, но неправильными людьми. Брежнев не был сталинистом — он плакал, когда Галина Серебрякова рассказывала о своей лагерной жизни на встрече интеллигенции с правительством. Однако он совершил несколько инерционных сталинских ошибок. Все остальное — самонаградительство, утрата чувства реальности — лежит на плечах его окружения. Но одна из низших безнравственностей Брежнева и его окружения — это то, что идея создания мемориала была прочно забыта за устройством чурбановых и щелоковых на постах, якобы охраняющих Родину. Идея создания мемориала вновь воскресла вместе с идеями перестройки. Эта идея шла «снизу», и ее первые энтузиасты были разрозненными, и вначале выглядели донкихотами. Но они постепенно начали объединяться — не на основе беспринципной мафиозности, как объединяются противники перестройки, трусливо выставившие впереди себя Нину Андрееву и превращающие живого человека просто-напросто в пробный шар — пройдет или не пройдет. Объединение вокруг идеи создания мемориала происходило, как слияние маленьких ручейков и речушек в величественную реку, становящуюся символом нации. Первыми ко мне обратились с этой идеей уральские писатели. Затем приходили рабочие, врачи, инженеры, студенты. Идея эта возникла повсеместно, но повсеместно возникало и сопротивление. Как же оно могло не возникнуть, если даже на партконференции некоторыми людьми произносились речи, толкающие назад от гласности, в безгласное прошлое, под которыми могла бы подписаться пресловутая Нина Андреева? Как же оно могло не возникнуть, если даже после стольких материалов прессы, убедительно раскрывающих участие Жданова и других соумышленников Сталина в преступлениях недавнего прошлого, до сих пор сохраняются их имена на географической карте, на стенах университетов? Дело не в любви к Сталину. Еще года два-три тому назад это могло быть любовью, происходящей от незнания, от исторической наивности. Сейчас в нашей печати опубликовано столько материалов, разоблачающих тогдашнюю тотальную войну против народа, что даже если девять десятых — это преувеличение, то хватит одной десятой, чтобы не быть наивными. Но ведь некоторым людям выгодно оставаться слепыми: они любят не Сталина, а свою слепоту. Наивность чистосердечная более или менее оправдываема, но высокооплачиваемая наивность — это исторический цинизм. Но идея мемориала поддерживается сейчас уже большинством народа, большинством партии. Это не идея реванша. Это не идея капитуляции социализма. Это идея очищения социализма. Нечистая совесть перед прошлым загрязняет настоящее, может загрязнить будущее. Мы хотим быть чи-

МЕМОРИАЛ СОВЕСТИ

стыми перед строгим взглядом наших детей. Памятники Сталину и его окружению были мемориалом бессовестности. Мемориал жертвам культа личности — это мемориал совести.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ, академик

В многочисленных письмах со всех концов нашей страны, на собраниях и в резолюции XIX партийной конференции высказывалось мнение о необходимости воздвигнуть памятник жертвам сталинских репрессий. Мы в нравственном долгу перед теми, кто расстрелян, зарыт в общей яме, кто остался без отца и матери, кто прожил, скрываясь в страхе, кто разделил судьбу своего переселенного народа, кто остался без родимого дома. Жертвы и те, кто лишился не только родных, но и товарищей, друзей, поверил в их виновность или вынужден был притвориться, что верит в их виновность. Жертвы и те, что поддались порче морального климата, забыли или не научились доброделанию, дающему человеку высшее счастье.

Пусть памятник прошлому горю будет маяком к будущему справедливому счастью. Пусть он учит нас необходимости иметь справедливый и независимый суд, доверие к людям, честность и правдивость, блости достоинство других.

Пусть он будет напоминанием, чтобы честно прожили остаток своей жизни те, кто искалечил свою и чужую жизнь подлы-

ми доносами, несправедливыми действиями, работой в органах, творивших несправедливости.

Я убежден: мы никогда не сможем возместить наш долг, и все же уверен и в том, что поступлений в фонд памятника будет больше, чем нужно для одного монумента. Необходимо выбрать несколько мест (пусть народ их сам выберет), где должны быть воздвигнуты меньшие памятники, но с той же идеей. Примерно так: Соловки, Колыма, Воркута, Магадан.

Эммануил КОТЛЯР,
читатель «Огонька»

Закончив в 1929 году московский институт, я был командирован ЦК ВЛКСМ на Сталинградский тракторный завод — первую комсомольскую стройку. Работал и мастером, и начальником конструкторского бюро управления реконструкции завода. Затем, как и сотни других работников завода, по ложному обвинению, был арестован. Пробыл в Заполярье в лагерях четырнадцать лет.

Излагаю свои соображения. Подобных памятников в истории не было. Как не было подобных масштабов и глубины содеянного зла. Парижане, в 1789 году сокрушившие Бастилию как символ тирании, освободили томлящихся в ней заключенных и сровняли остатки здания с землей. Бараки и газовые камеры некоторых фашистских лагерей мы сохранили как суровое предупреждение грядущему человече-

ству. Сегодняшняя задача сложнее и многограннее. И дело не только в репрессиях к сынам и дочерям своего собственного народа, но и в том невосполнимом, преступном вреде, который был нанесен идее подлинного социализма.

Думается, не нужны грандиозные сооружения, подобные Мамаеву кургану в Волгограде. Строить, как раньше, десятки лет и тратить многие миллиарды? Нет, не надо. Нужен не памятник, а Мемориальный центр. Пусть не будет помпезного здания.

Главная задача Центра — информация. Пусть люди знают о количестве арестованных, казненных по суду и бессудно.

Пусть узнают о следствии и его методах. Директивных документах и физических насилиях. О судах, трибуналах, «тройках».

Обязательно надо показать бесчеловечное бытие и работу заключенных-лагерников. Они строили дороги, шахты, рудники, города, заводы. Воркута, Норильск, Магадан... Сколько их? Не счесть! Значит ли это, что принудительный труд оправдал себя в обществе, называвшем себя социалистическим? Вся общественно-политическая и хозяйственная система обрела себя на ничтожный коэффициент полезного действия. На десятки лет вперед.

Будут, непременно будут, я уверен, глубокие исповеди, написанные кровью сердца. Вскроются и неизвестные факты, по-новому высветляющие исторические события и их причинность. Мемориальный центр мог бы стать средоточием сбора подобных материалов, а впоследствии их литературной и научной проработки, надеюсь, и изданий.

Вот почему Центр должен быть музеем, библиотекой и архивом одновременно, а главное — здесь должна жить историческая наука. Архивный фонд в рукописях, подлинниках и фотокопиях, хранимых в Госархивах. Читальный зал и кабинеты для научных, более длительных проработок. Экспозиционный зал, с постоянной, а частично и периодически сменяемой (по тематике) выставкой плакатов, фотодокументов, предметов быта из мест заключения, свидетельств пыток. Желательны тематические выставки графики, живописи, скульптуры.

КАКИМ БЫТЬ ПАМЯТНИКУ?

Пока неясно, в какой форме должна быть материализована память о жертвах репрессий: скульптурный памятник? Мемориальный центр? Или что-то другое?

В этом обсуждении должны участвовать не только профессионалы — архитекторы, художники, скульпторы (для них, наверно, будет объявлен специальный конкурс), а все желающие, любой человек. Ведь осмысливать и решать судьбу народа может и должен народ.

Выставка предложений и проектов состоится в октябре — ноябре во Дворце культуры объединения «Московский электроламповый завод». ДК МЭЛЗ — достойная площадка для подобного дела: он в последние годы зарекомендовал себя как один из социально-политических центров столицы, дом, где ставят важнейшие общественные проблемы, где не боятся спорить и защищать свои убеждения.

«Огонек» считает, что необходимо открыть специальный банковский счет для сбора средств на строительство мемориала жертвам сталинских репрессий. Стихийно деньги уже идут в «Огонек».

Итак, адрес, по которому следует направлять проекты и предложения: 105023, Москва, площадь Журавлева, 1, Дворец культуры МЭЛЗ.

Фото Лазаря ШЕСТАКОВА

